

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

УДК 331.103

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ШАХТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 80 – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ЭТАПЫ И СОДЕРЖАНИЕ

© 2014 г. К.С. Карпенко

Карпенко Константин Сергеевич –
аспирант,
исторический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: Karpenko.konstantin@mail.ru.

Karpenko Konstantin Sergeyevich –
Post-Graduate,
Faculty of History,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 105/42, Rostov-on-Don, 344006.
E-mail: Karpenko.konstantin@mail.ru.

Негативные последствия экономических и политических реформ в конце 80 – начале 90-х гг. XX в., осуществленных в СССР, а затем в России, стимулировали рост протестных настроений в обществе и формирование шахтерского движения. Горняки из Ростовской области, включившись в забастовки 1989 г., уже к середине 1990-х перехватили инициативу в протестном движении. Предпринимается попытка реконструировать процесс возникновения шахтерского движения в Ростовской области, выделить этапы и раскрыть их специфику.

Ключевые слова: шахтерское движение, забастовки, российский политический процесс, экономические и политические реформы.

The negative consequences of the economic and political reforms in the late 80 – early 90's in the XX century, performed in the Soviet Union and then in Russia stimulated the growth of dissent in society and the formation of the miners' movement. Miners from the Rostov region, engaged in a strike in 1989, the middle of 1990s, took the lead in the protest movement. The article attempts to recreate the process of the miners' movement in the Rostov region, identify the stages and reveal their specificity.

Keywords: miners' movement, strike, Russian political process, economic and political reforms.

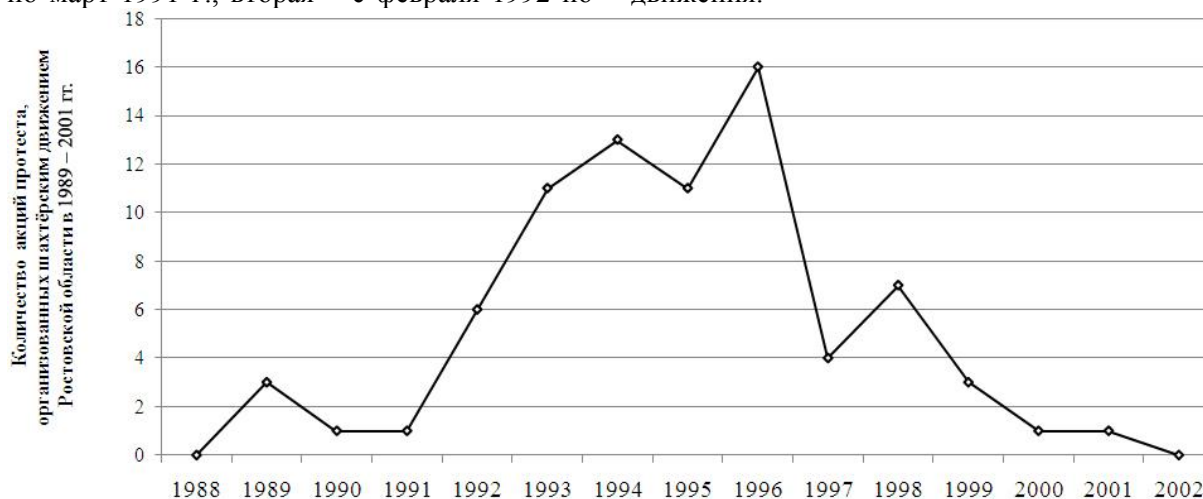
Конец 80-х и начало 90-х гг. XX в. – один из самых драматичных и важных этапов в современной истории России. В этот период был реализован комплекс экономических и политических мероприятий, в результате которых в 1991 г. распался СССР, в 1993 – в России поменялись политический режим и форма государственного правления, в 1998 – страна пережила один из самых тяжелых экономических кризисов в своей истории и т.д. Эти события навсегда изменили россиян: появились предпосылки для формирования гражданского общества, возникли политические партии и общественные движения. А среди негативных последствий реформ – обеднение большей части населения и сниже-

ние качества жизни во многих регионах Российской Федерации. Особенно остро это коснулось шахтерских городов Ростовской области, промышленность которых была полностью ориентирована на уже несуществующую на тот момент советскую хозяйственную систему. Такая ситуация стимулировала рост протестных настроений у рабочих угольной промышленности региона в 1989 – 1993 гг. и формирование шахтерского забастовочного движения в Ростовской области. Ростовские шахтеры, включившись в забастовки, организованные рабочими в 1989 г., уже в середине 1990-х перехватили инициативу в протестном движении, заявив о своей позиции в российском политическом пространстве. Цель статьи

– воссоздать процесс возникновения шахтерского движения в Ростовской области, выделив этапы и их специфику.

Почти за 12-летний период с 1989 по 2001 г. ростовские горняки организовали около 80 протестных акций, большая часть из которых были забастовками. Активность шахтеров в указанное время можно разделить на три этапа: первая протестная волна – с мая 1989 по март 1991 г., вторая – с февраля 1992 по

сентябрь 1997 г., третья – с января 1998 по октябрь 2001 г. (рисунок) [1]. Процесс возникновения движения хронологически совпал с первой и частично со второй забастовочными волнами, отличающимися количеством забастовок, уровнем их радикальности и характером выдвигаемых требований. Это обозначило специфические черты первых этапов в истории ростовского шахтерского движения.

Динамика протестной активности шахтерского движения РО за 1989 – 2001 годы

После утверждения курса на перестройку новые идеи активно обсуждались шахтерами на заседаниях Ростовского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности, курс партии оценивали положительно, заключая, что перестройка полностью отвечает интересам трудящихся, создает реальные предпосылки для повышения их материального благосостояния, утверждения подлинных принципов социализма [2]. Однако к концу 1989 г. в СССР наметился производственный кризис, который характеризовался губительным для советской экономики невыполнением планов. В средствах массовой информации все чаще обсуждалась идея о неэффективности советской экономической системы, при этом разными политическими силами были предложены «готовые рецепты» по выходу из ситуации. Одна из «прогрессивных» идей, переданных на обсуждение шахтерским коллективам, заключалась в продаже угля по мировым ценам на внутреннем и внешнем рынке и расширении самостоятельности шахт и производственных объединений [3]. Необходимо отметить, что идеи создания рыночной экономики, частной собственности и утверждения свободных цен

на уголь имели неодинаковый успех в разных регионах СССР. Влияние оказывали горно-геологические условия добычи угля и месторасположение угольных запасов. В Кемеровской области (Кузбасс) в связи с выгодными геологическими условиями углепромышленные предприятия оказались менее зависимы от государственных дотаций. В Ростовской области дела обстояли иначе. С одной стороны, Восточный Донбасс характеризовался затратным способом добычи угля, требующим огромных человеческих усилий и некоторых денежных вливаний из государственного бюджета, а с другой – самым высоким качеством угля, выгодным географическим положением и развитой инфраструктурой. К тому же производственные объединения в данном регионе отличались высокими производственными показателями. Шахтерам Ростовской области в конце 1980-х гг. были чужды идеи рыночной экономики. Эти различия между Кузбассом и Донбассом стали основными факторами, обусловившими разную степень участия горняков этих регионов в забастовочном процессе.

На территории Ростовской области первая забастовка была организована 21 апреля 1989 г.,

причинами послужили решения администрации одной из шахт производственного объединения «Ростовуголь», введившие четырехдневный график работы, спаренные выходные, а также идея расформирования одной из бригад рабочих и т.д. Требования горняков были организационного характера – «снизить план добычи угля», «произвести контрольный обмер угольного склада» и экономического порядка – «снизить норму выработки», «повысить оплату ночных часов» и т.д. Конфликт был исчерпан после проверки всех шахт производственного управления «Ростовуголь» технической инспекцией, а также усиления работы по внедрению бригадного хозрасчета с оплатой работы по конечному результату [4].

Совершенно по-другому разворачивались события в Кемеровской области. 10 июля 1989 г. в Междуреченске началась забастовка, которую можно считать точкой отсчета общесоюзного шахтерского движения. Шахтерами выдвигались требования, изначально носившие социально-экономический характер. К 14 июля шахтеры бастовали уже в 9 городах региона. Выдвигаемые экономические требования частично были дополнены политическими – «отменить льготы любым должностным лицам», «немедленно вынести на всенародное обсуждение новую Конституцию и принять ее не позднее седьмого августа 1990 года», зазвучал призыв к всеобщей забастовке [5].

Недовольство кузбасских шахтеров широко поддерживалось оппозицией. На первом Съезде народных депутатов в мае 1989 г. организационно оформилась межрегиональная депутатская группа (МДГ), требования которой сыграли важную роль в дальнейшем политическом процессе – отмена 6-й статьи Конституции СССР и легализация забастовок. Законные протесты рабочих с 1989 по 1991 г. в СССР использовали разные политические силы с целью оказать давление на руководство страны при обсуждении тех или иных вопросов.

В сентябре 1989 г. ростовскими шахтерами была организована еще одна забастовка, в ходе которой выдвинуто 36 требований экономического и организационного характера, направленных в администрацию производственного объединения «Ростовуголь». Примечательно, что значительная их часть не касалась непосредственно работы шахт. Среди

них: строительство дорог, распределение строительных материалов, строительство водовода и т.д. Эти требования подчеркивали уникальность шахтерских городов Ростовской области, где за каждой шахтой были закреплены объекты социального назначения, инфраструктура и т.д. Конфликт быстро был исчерпан. Административная комиссия по урегулированию трудовых споров, разбираясь с причинами протестной акции, уже в октябре 1989 г. передала президиуму ростовского территориального комитета профсоюза шахтеров справку-отчет. В документе на каждое требование (даже не относившееся к работе шахты) был дан ответ в виде постановлений и распоряжений директора объединения «Ростовуголь».

Через год после первых массовых шахтерских выступлений, в мае 1990 г., прошел первый съезд шахтеров, в работе которого участвовали горняки Ростовской области. На съезде была выработана резолюция, в которой высказывались недоверие и критика не только органов государственного управления, но и КПСС. В октябре 1990 г. состоялся второй съезд шахтеров страны, где был создан Независимый профсоюз горняков (НПГ) СССР, что стало ключевым моментом для радикально-либеральной оппозиции, поскольку новая шахтерская организация должна была выполнять новые функции, в том числе участие в открытом политическом противостоянии. При обсуждении целей, задач и методов НПГ возникли серьезные разногласия между делегациями горняков из Донбасса, Кузбасса, Воркуты и т.д. Многие участники покинули съезд. Но делегация шахтеров Кузбасса продала идею создания альтернативного профсоюза, который на протяжении 1990-х гг. в основном был представлен в Кемеровской области. На территории Ростовской области членов НПГ практически не было: первая первичная организация профсоюза была создана в мае 1991 г. на шахте «Майская» производственного объединения «Ростовуголь». В Ростовской области в 1990 – 1991 гг. шел процесс укрепления и перестройки работы ранее существовавшего профсоюза. Его члены в это время провели XVI съезд, где было принято решение перестроить структуру организации, изменить Устав и название. После съезда профсоюз стал называться Независимый

мым профсоюзом работников угольной промышленности (НПРУП).

Таким образом, к 1991 г. на территории угледоугольных городов Ростовской области шахтерское движение развивалось под влиянием двух профсоюзов: Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (РНПРУП), выросшего из традиционного профсоюза и объединившего подавляющее большинство угольщиков, и Независимого профсоюза горняков (НПГ), по численности значительно меньшего [6].

В 1991 г. с усилением экономического кризиса возникли новые проблемы. 20 марта в СССР из-за забастовок не работало около 150 шахт, в протестной акции участвовало около 300 тыс. рабочих угольной промышленности из большинства шахтерских регионов. В конце февраля шахтеры Дона тоже включились в забастовочный процесс. В Ростовской области протест начался в знак солидарности с проводимыми акциями украинскими шахтерами. Требования ростовских шахтеров были чисто экономические – «повышение заработной платы 2 – 2,5 раза», «производить индексацию зарплат на шахтах Ростовской области в соответствии с ростом цен» и т.д. Совместная забастовка Восточного и Западного Донбасса продолжалась около месяца.

Руководство СССР предпринимало попытки стабилизировать ситуацию. Для преодоления кризиса и ликвидации забастовки в угольной отрасли были проведены переговоры шахтерских делегатов от Ростовского территориального комитета НПРУП с председателем Комитета Министров СССР В. Павловым. По их итогам правительством было принято шесть специальных постановлений и два распоряжения. Реализация этих нормативно-правовых актов должна была обеспечить социальную защиту работникам угольной промышленности в ходе проведения реформ розничных цен, повысить им заработную плату и расширить экономическую самостоятельность в шахтах. Помимо этого государство обязывалось ежегодно заключать Отраслевые тарифные соглашения (ОТС), регулирующие социально-трудовые отношения на предприятиях. Таким образом, руководство СССР весной 1991 г. пошло на уступки и выполнило все требования ростовских шахтеров.

Ко второй половине 1991 г. среди требований, выдвигаемых от имени горняков Кузбас-

са и Воркуты, доминировали уже политические – «ропуск Съезда Народных Депутатов», «отставка союзного правительства и передача властных полномочий правительствам суверенных республик» [7].

В апреле 1991 г. Б.Н. Ельцин подписал распоряжение «Об изменении условий хозяйствования предприятий угольной промышленности на территории РСФСР». В нем предлагалось перейти под юрисдикцию России тем шахтерским предприятиям, которые находились на ее территории. Переход предприятий и организаций под юрисдикцию одной из союзных республик нарушал важнейшие производственные связи и систему управления промышленным сектором государства и делал де-факто невозможным существование СССР [8, с. 242].

В марте 1991 г. бастующие шахтеры из Кемеровской области и Республики Коми потребовали отставки союзного руководства и введения прямого управления отраслью российскими властями. В конце апреля под юрисдикцию России перешло 101 угольное предприятие Кузбасского бассейна и 13 угольных предприятий Воркуты. Те распоряжения и постановления Кабинета Министров СССР, которых добились шахтеры Ростовской области на переговорах в апреле 1991 г., фактически не реализовывались, что усилило недовольство в шахтерских трудовых коллективах региона. Они постепенно включились в общий забастовочный процесс, набирающий обороты в СССР. Правительство России во главе с Б.Н. Ельциным пообещало сохранить для шахт Ростовской области те условия и уступки, которые гарантировались им премьер-министром СССР В. Павловым 3 и 4 апреля 1991 г. Все это привело к тому, что в середине августа 1991 г. на проходившей конференции НПРУП, дирекцией производственного объединения «Ростовуголь» было принято решение о переходе под юрисдикцию России, что обеспечило поддержку курса Правительства России во главе с Б.Н. Ельциным. Несмотря на то, 19 августа министр угольной промышленности СССР М.И. Щадов заявил о поддержке Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР, шахтерское движение России проявило лояльность новой власти и приветствовало подписание договора о роспуске СССР и создании СНГ.

В начале 1992 г. начались задержки заработной платы на шахтах Ростовской области, вызванные перебоями в поступлении денежных средств из государственного бюджета России. Рабочие угольной промышленности Ростовской области ухудшение своего финансового благосостояния связали с экономической политикой Правительства России. На заседаниях профсоюзов звучала негативная оценка либерализации цен [9, л. 1 – 7], в январе 1992 г. ростовскими шахтерами было принято решение о делегировании нескольких членов профсоюза в Москву для ведения прямых переговоров с Правительством РФ. После длительных консультаций они договорились об увеличении в 3 раза минимальных тарифных ставок, что должно было позволить «угнаться» за ценами, выросшими в десятки раз по сравнению с 1991 г. Однако достигнутые договоренности с правительством выполнены не были. К апрелю 1992 г. скопилось 4-месячная задолженность перед шахтерами по зарплате. Чтобы добиться ее погашения, шахтеры были вынуждены угрожать остановкой производства и пресечением вывоза денежных средств за пределы области, установив контроль над их распределением по отделениям банков [9, л. 1 – 6].

Руководство страны, поддерживающее шахтерскую протестную активность во время противостояния союзному правительству в 1989 – 1991 гг., крайне негативно отнеслось к выступлениям рабочих в 1992 г. Государственный секретарь Российской Федерации Г.Э. Бурбулис, выступая на шестом Съезде народных депутатов (апрель 1992 г.), отметил, что шахтеры объявили предзабастовочное положение и потребовали прямых переговоров, так как работникам угольной промышленности в Казахстане и Украине подняли зарплату значительно выше. Шахтерское движение он охарактеризовал как опасную и очень вредную социальную, политическую и экономическую форму активности [10].

Первой масштабной акцией протеста работников угольной промышленности, после распада СССР стала забастовка ростовских шахтеров в конце июня – начале июля 1992 г. Причинами их недовольства были: двухмесячная задолженность выплаты заработной платы и приостановка деятельности комиссии по утверждению условий Отраслевого тарифного соглашения на 1993 г. Верховным Сове-

том и Правительством России не был разработан механизм проведения взаимных расчетов предприятий на территории России и стран СНГ. Дело в том, что в рамках СССР многие шахты Ростовской области сбывали свою продукцию только на украинские заводы металлургической промышленности. После распада СССР единый Донбасс был искусственно разделен на Восточный (российский) и Западный (украинский). Отгружаемый уголь поставлялся на промышленные объекты Украины, однако деньги оттуда не поступали. Июльской забастовкой ростовским шахтерам удалось добиться ликвидации задолженности, возобновив работу комиссии по согласованию ОТС на 1993 г. Однако вопрос о выработке единого выгодного механизма взаиморасчетов угольных предприятий на территории России и стран СНГ решен не был [11].

30 декабря 1992 г. Б. Ельциным был утвержден Указ №1702 «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий, организаций угольной промышленности», распространяющийся на все угольные бассейны. Однако ростовские шахтеры так и не получили права определять судьбу предприятия, поскольку контрольный пакет акций остался в федеральной собственности, коммерческое управление было поручено государственному предприятию «Росуголь». После утверждения Указа последовало заявление вице-преьера А. Чубайса о том, что от 12 до 16 % угледобывающих предприятий сразу обанкротятся. Соответствующий Закон РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» был подписан Президентом РФ еще в ноябре 1992 г. Согласно этому же Указу, строительство важнейших объектов угольной промышленности предполагалось только в Кемеровской области, что также ухудшало положение ростовских шахтерских городов. Жилищный фонд, жилищно-эксплуатационные и ремонтно-строительные предприятия по его обслуживанию, а также объекты инфраструктуры, находившиеся на балансе преобразуемых производственных объединений, не приватизировались, а передавались в муниципальную собственность. Для шахтерских городов Ростовской области этот момент был одним из ключевых, поскольку значительная часть расходов объектов социального назначения (больницы, школы, детсады, дома культуры, кинотеатры и т.д.) обеспечивалась шах-

тами. После реализации Указа содержание данного комплекса осуществлялось за счет городского бюджета. В результате произошел развал сложившегося коммунального хозяйства и ухудшение содержания объектов социального назначения, жилищного фонда.

В ходе реформирования углепромышленного комплекса правительство сделало ставку на экспортные возможности, появившиеся у шахт в результате реформы экономической системы. Однако этим могли воспользоваться далеко не все шахтеры и не во всех регионах. Там, где это было выгодно из-за «ножниц» внутренних и мировых цен, на экспорт угля в качестве маркетинговых агентов и посредников «сели», помимо директоров и отраслевой номенклатуры (и вместе с ними), криминальные кланы. В условиях нестабильности власти, а также неопределенности ее правовой системы начала 1990-х гг., на шахтерском труде паразитировали посредники и маркетинговые структуры. Этому способствовал хаос на внутреннем рынке, порожденный рублевым дефицитом и кризисом платежей [8, с. 256].

В начале 1993 г. шахтерские города Ростовской области фактически лишились главного источника финансирования – платы за произведенную продукцию. Основные потребители – энергетики, металлурги и коммунальные службы в общей сложности задолжали 81 млрд р.: на долю металлургов приходилось почти 40 млрд, на долю энергетиков – около 16 млрд. Отрасль работала бесплатно почти два месяца. Вторая составляющая их дохода – государственный бюджет. Но государственная дотация, которую шахтеры «выбили» забастовками, уже к 16 февраля 1993 г. не соответствовала ценам. На 1993 г. было запланировано выделить 312 млрд р. В конце 1992 г. угольной отрасли уже было необходимо 817 млрд р., а к февралю 1993 г. – 2 трлн р.

В конце февраля 1993 г. в Ростовской области под влиянием вышеперечисленных факторов началась протестная акция. Рабочие, объявив с 1 марта суточную предупредительную забастовку, требовали встречи с руководством объединения «Ростовуголь», администрациями шахтерских городов, чтобы высказать им соответствующие претензии. На собравшихся митингах в городах Шахты и Новошахтинске было решено с 10 марта 1993 г., объявить о бессрочной забастовке до досроч-

ных выборов всех структур власти. Однако после переговоров с Правительством задолженность была полностью ликвидирована и шахтеры, отменив свои политические требования, вернулись к работе.

В конце мая 1993 г. кризис угольной промышленности усугубила реализация постановления Правительства РФ, согласно которому железнодорожные тарифы значительно увеличились. В июне Правительство России официально признало, что к лету 1993 г. потребители топлива задолжали угольной отрасли около 100 млрд р. Из-за постоянного роста цен на потребляемые материалы, оборудование и услуги «Ростовуголь» полностью лишился оборотных средств, потребность в которых на 1993 г. составляла около 160 млрд р.

В мае 1993 г. на очередной встрече председателя РТК «Росуглепрофа» с председателями шахтерской профсоюзной организации Новошахтинска было решено пикетировать Дом Правительства России. Протестная акция длилась в течение трех дней (с 21 по 23 июня). В ходе поездки проходила встреча с министром финансов Б.Г. Федоровым и премьер-министром В.С. Черномырдиным. Итогом акции протеста стали Указ Президента РФ от 21.06.1993 г. № 934 «О мерах по стабилизации положения в угольной промышленности» и Протокол «Рассмотрения неотложных вопросов функционирования угольной промышленности России» от 25.06.1993 г. В текстах этих документов глава государства и руководство исполнительной власти обещали исправить экономическую ситуацию на шахтах Ростовской области. Однако, спустя месяц после пикетирования здания Правительства и утверждения соответствующих распоряжений, обстановка в Ростовской области только усугубилась: за две декады июля в счет погашения долга на шахтерских предприятиях не поступило ни одного рубля.

Ростовским профсоюзом шахтеров было принято решение о суточной предупредительной забастовке 9 августа 1993 г. Начавшись как региональная, она превратилась во всероссийскую, поскольку ростовских шахтеров поддержали горняки Кузбасса, Красноярска, Воркуты и Урала. Число одновременно бастующих шахтеров возросло до нескольких сот тысяч. Итогом протестной акции стала резолюция, самая радикальная часть которой включала требования к Правительству РФ и

Верховному Совету гарантировать выживание углепромышленного комплекса Восточного Донбасса, оказав реальную государственную поддержку отрасли. В противном случае шахтеры обещали бессрочную забастовку с выражением недоверия законодательной и исполнительной власти.

Эта резолюция была озвучена в Москве на шестом пленуме Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, на котором Правительство РФ представлял первый заместитель министра топлива и энергетики России А.Е. Евтушенко. В ходе переговоров с шахтерами он заявил, что не может отвечать один за бездействие руководства страны. Поэтому было принято решение провести еще одну всероссийскую забастовку шахтеров 6 сентября 1993 г. В ней приняли участие горняки из шахт Ростовской области, Красноярска, Сахалина, Приморья и Кузбасса. В рабочее время в залах заседаний производственных предприятий трудовыми коллективами были проведены посменные собрания, где шахтеры сформулировали тексты телеграмм, которые были направлены Правительству России. В ходе этой акции протеста вновь звучали политические требования, направленные против Правительства, Верховного Совета и Президента России.

После этой акции протеста на счета шахт Ростовской области были перечислены деньги, долги по зарплате рабочих ликвидированы. Возможно, серьезные уступки со стороны Правительства России в этот раз были сделаны из-за обострения противоборства между высшими органами законодательной и исполнительной власти. Сразу после окончания протестных акций в регионах политическая борьба в Москве приняла радикальный характер: 21 сентября 1993 г. был подписан президентский Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». 4 октября 1993 г. в этом противостоянии победил Президент России Б.Н. Ельцин, назначив референдум по Конституции РФ и выборы в Государственную Думу РФ на 12 декабря 1993 г.

Трудовые коллективы шахт Ростовской области дали свою оценку происходившим событиям октября 1993 г. на внеочередном заседании Президиума РТК «Росуглепрофа». В ходе собрания члены президиума осудили

действия Верховного Совета, охарактеризовав их как экстремистские. После победы в политическом противостоянии Президента России Б.Н. Ельцина во всех шахтерских городах Ростовской области прошел либо принудительный роспуск, либо самороспуск городских советов. Все это стимулировало перемены и в расстановке политических сил в России, поставив точку в первом этапе развития шахтерского движения Ростовской области. Обобщая исследование событий истории шахтерского движения Ростовской области в 1989 – 1993 гг., необходимо сформулировать следующие выводы:

- социально-экономический и производственный кризис в СССР, рост социальной напряженности в шахтерских регионах, проявившиеся в 1989 г., привели к возникновению шахтерского забастовочного движения Ростовской области;

- к концу 1990 г. на территории углепромышленных городов Ростовской области развитие шахтерского движения осуществлялось под влиянием Российского профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепрофа), выросшего из традиционного профсоюза и объединившего подавляющее большинство угольщиков, и Независимого профсоюза горняков (НПГ), немногочисленного, большей частью представленного в других субъектах РФ;

- процесс возникновения шахтерского движения Ростовской области хронологически совпал с первой (май 1989 – март 1991) и, частично, второй (февраль 1992 – сентябрь 1997) забастовочными волнами. В конце 1980-х гг. движение характеризуется малым количеством акций протеста и выдвинутых требований, донские горняки в это время поддерживали забастовки рабочих в других регионах, выдвигая требования в основном организационного характера. В 1991 г. экономическое положение шахтерских городов Ростовской области значительно ухудшилось. Неспособность союзного министерства угольной промышленности оказать им помощь предопределила присоединение ростовских шахтеров к общесоюзному шахтерскому движению, превратившемуся на данном этапе в системную оппозицию по отношению к правительству СССР.

После распада СССР, начиная с февраля 1992 г., шахтерское движение Ростовской об-

ласти значительно радикализировалось, выдвинув политические требования. В 1993 г. ростовские шахтеры активно включились в политический процесс. Во время пика противостояния Президента РФ и представителей Верховного Совета России осенью 1993 г. руководство ростовского профсоюза шахтеров поддержало главу государства, тем самым стимулируя формирование современной российской государственности, политического режима и формы государственного правления.

Литература и примечания

1. Центр хранения архивной документации (ГУ ЦХАД) г. Шахты Ростовской области. База данных «Шахтерское движение Ростовской области в 1989 – 2001 годы» – она состоит из 7 таблиц, 26 информационных полей и 202 записей. Ядро БД включает в себя 3 таблицы: «Источники», «Объекты» и «Требования». Остальные 4 («Тип требования», «Тип протеста», «Субъекты» и «Объекты1») являются таблицами-справочниками, обеспечивающие работу первых трех. База данных сконстру-

ирована в СУБД Microsoft Access и анализирует документы (202) шахтерского движения, находящиеся в Центре хранения архивной документации (ГУ ЦХАД) города Шахты Ростовской области, объединены в 43 дела из описей № 1 и № 2 в Фонде Р. 1127.

2. ГУ ЦХАД. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 441. Л. 3.
3. Там же. Д. 443. Л. 5.
4. Там же. Д. 452. Л. 1 – 33.
5. Требования шахтеров Междуреченска Кемеровской области. Июль 1989 года // Россия сегодня: политический портрет в документах 1985 – 1991 гг. М., 1991. С. 347.
6. Шахтерский вестник. 1991. 25 мая.
7. Протокол о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и Комиссией ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС // Россия сегодня... С. 341.
8. Котальников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в государстве российском. М., 2004.
9. ГУ ЦХАД. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 – 7.
10. Шестой Съезд народных депутатов Российской Федерации: документы, доклады, сообщения. М., 1992.
11. Шахтерский вестн. 1991. 24 июля.

Поступила в редакцию

11 июня 2014 г.

УДК 93/94 (470.6)

ЭДИНБУРГСКОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО О НАРОДАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2014 г. А.И. Мусукаев

*Мусукаев Александр Ибрагимович –
доктор исторических наук,
профессор,
кафедра народного хозяйства,
Социально-гуманитарный институт
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, 360004.
E-mail: dekanatsgi@mail.ru.*

*Musukayev Aleksandr Ibragimovich –
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Department of National Economy,
Social and Humanitarian Institute
of Kabardino-Balkaria State University
named after H.M. Berbekov,
Chernyshevskogo St., 173, Nalchik, 360004.
E-mail: dekanatsgi@mail.ru.*

Дается научный анализ «Отчетов» Эдинбургского миссионерского общества о пребывании их представителей на Северном Кавказе в 1817 – 1819 гг. Исследуются политические отношения России и народов Кавказа, история и культура черкесов, татар, карачаевцев и балкарцев, ногайцев, осетин и др. Особое внимание уделяется вопросам религии, нравственно-этическим взаимоотношениям в быту у народов Северного Кавказа: обычаям, обрядам, нравам, законам обычного права и т.д.

Ключевые слова: история, культура, религия, миссионеры, ислам, христианство, обычаи, нравы.

The article is devoted to the scientific analysis of the «Reports» of this society about the stay of their representatives in the North Caucasus in 1817 – 1819. The author of the article investigates the political relations of Russia and the peoples of the Caucasus, history and culture of Cherkess, Tatars, Karachays, Balkars, Nogais, Ossetians, etc. Special attention is paid to religion in the North Caucasus, as well as to moral and ethical relationships in the life of peoples of the North Caucasus: customs, traditions, ceremonies, issues of common law, etc.

Keywords: history, culture, religion, missionaries, Islam, Christianity, customs, traditions.

Кавказ в истории мировой культуры представляет собой сложный в политическом, этническом, духовно-культурном и языковом отношении регион [1, с. 33 – 34]. Греки видели в нем таинственную окраину мира, Колхида считалась местом, где хранилось «золотое руно», а итальянцы относили горы Кавказа к сказочным и невероятно привлекательным местам земли, предполагали, что Кавказ – это родина европейских народов [2, с. 225].

Начало XIX в. – время создания и расцвета миссионерских обществ – характеризовалось для Великобритании периодом противостояния просветительства и романтических тенденций в науке и литературе, сохранения устоев христианской веры в среде прогрессивной части религиозных деятелей. Эдинбургским миссионерским обществом было представлено три «Отчета»: 1817, 1818 и 1819 гг. Предисловие «Отчета» 1817 г., посвященное Богу, его роли и месту в жизни и делах людей, содержит описание трудностей, ждущих миссионеров в их просветительской и, как они искренне считают, благороднейшей задаче обращения иноверцев в истинную веру.

Благородное начало всей деятельности миссионеров заложено было на состоявшемся 4 августа 1819 г. общем собрании Ирландского миссионерского общества в Татрии и Черкесии. Следует отметить, что стремление любой ценой воплотить собственные цели порой мешало миссионерам увидеть в полной мере культуру, цивилизацию, уровень жизни татар, черкесов и других народов.

Миссионеры готовились к достижению цели тщательно и серьезно: они взялись за изучение татарского, персидского, еврейского языков. Кабардинский язык из-за сложности произношения вызывал у них особые трудности.

Эдинбургское миссионерское общество было также прекрасно осведомлено о письменных источниках и специальных работах, исследующих народы этого региона, такого таинственного и привлекательного для европейцев. В публикациях встречаются воспоминания арабских, турецких, западно-европейских документалистов (М. Броневский, Вахушти, И.А. Гильденштедт, Я. Потоцкий и др.) [3].

Переведенные с французского языка на русский «Отчеты» Эдинбургского миссионерского общества за 1817 – 1819 гг. с приложением географического и исторического описания миссионерских пунктов в Азиатской России вызвали особый интерес у нашего современного читателя [4]. «Ослепительный яркий свет» исходил из Эдинбургской миссии, расположенной в Карассе, Астрахани и Оренбурге, говорили современники на ежегодном собрании данного Общества. «Племена и народы смотрели на открытые и простые лица священнослужителей, что делало их также отвлеченными от проблем жизни, каждодневных, изнуряющих и разного рода ежедневных задач» [5, с. 40].

Эдинбургские миссионерские общества делятся своими знаниями и опытом о местных народах Северного Кавказа, впечатлениями о живописной природе Кавказа, разнообразных народах и племенах, помогают разобраться в прошлой и современной истории адыгов, абазинцев, осетин, балкарцев, знакомят с законами, традициями, связанными с глубокой древностью, настоящим и будущим края [4, с. 92].

Первой миссией Эдинбургского миссионерского общества в России был Карасс, расположенный на той части горы Бештау, что находится между Кумой и Подкумком (район Пятигорья и восточного склона Бештау). С той поры миссия служила распространению христианской религии в районах Центрально-

го Кавказа и попутному изучению культуры, традиций и обычаев народов Кавказа.

Перед самым отъездом в Крым Патерсон получил интересные сведения об осетинах, их реальном современном быте и формах религии. Большой специалист в области ираноязычных народов, хорошо знакомый с культурным укладом осетин, он вспоминал, что древние грузины называли осетин «осси», а их землю «Осетией», что с этим ираноязычным народом смешались кавказоязычные элементы. Осетины занимают земли на северных и южных склонах Большого Кавказского хребта. При своеобразии единства иронцев и дигорцев религии у них разные – христианская и мусульманская. Северные осетины находились в подчинении кабардинских князей и платили им определенные политические и экономические подати. Но зависимой была только определенная часть дигорских феодалов, это впоследствии и ускорило процесс их феодального расслоения. Сложный общественный строй осетин с наличием в патриархально-родовых отношениях культа семейных пережитков серьезно отразился в вопросах религиозных верований. Поэтому Осетия была поделена между христианством и исламом, а на местном уровне нередко сохранялись и примитивные формы религии.

Суждения миссионеров о кавказских народах носят весьма субъективный характер. Они обвиняют осетин в коварстве и небескорыстном отношении к иностранцам-путешественникам, проезжающим по Военно-Грузинской дороге, кабардинцев – в воинственности и дикости, другие народы – в отсталости и т.д. Безусловно, здесь присутствует оценка, основанная на поведении и поступках отдельных представителей того или иного этноса, но никак не народа в целом. Не следует также забывать, что эти записки не публиковались, а являлись примечаниями к конфиденциальным отчетам данной организации.

Материал, предлагаемый шотландскими и ирландскими миссионерами и описывающий южные территории Российской империи начала XIX в., повествует о политическом и культурном состоянии Северного Кавказа, генеалогических связях народов разных религий. Авторы «Отчетов» приводят уникальные примеры перехода освобожденных из рабской зависимости людей в христианскую веру. Ценный список имен и фамилий представляет

слой северокавказских народов, крещенных в миссии в данный период и ставших людьми другой национальности. Мужчины: кабардинцев – 10, татар – 2, «дюгор» (осетин) – 1; женщины: кабардинок – 10, чеченок – 1, осетинок – 1. Судьбы этих людей сложились по-разному. Кто-то из них покинул пределы Родины, и нам, вероятно, интересно было бы узнать, какова их судьба, какое место они занимали в английском обществе, что сохранилось в семейных архивах о том далеком времени начала XIX в.

Патерсон, Брайтон, Голлоуэй занимались делами миссии в районе Карасса, уделяли значительное внимание обычаям живущих здесь народов: туркмен, ногайцев, черкесов, татар (балкарцев и карачаевцев), осетин и др.

Выполняя свои задачи по распространению христианства, миссионеры с нескрываемым интересом изучали историю, культуру, особенности жизни и быта народов, населяющих Кавказ. Замечая территориальную и антропологическую смешанность кавказских народов, при которой, как они пишут, трудно отличить черкеса от татарина, они делают вывод, что великое смешение наций, языков, веры и обычаев – благодатное поле для выполнения их миссии. Эдинбургские миссионеры сохранили для потомков свои наблюдения относительно истории и культуры черкесов, ногайцев, татар, а также живущих на Северном Кавказе греков, армян, грузин, туркменов.

Первые поселения, на которые обратили внимание миссионеры, были группы тюркоязычного происхождения: ногайские и туркменские. Ногайцы разбросаны на разной этнической территории, они живут частью на Нижней Кубани, Тереке и в Дагестане. Первую часть называют кара-ногайцы, вторую – акь-ногайцы (район Карачаево-Черкесии).

Главным политическим деятелем ногайцев и Золотой Орды считался Ногай. В XVIII в. они кочевали в степях Крыма и Северной Тавриды. Настоящее расслоение этого народа связано с поздним происхождением: едисанцы, джембойлуки и едишкульцы. Основу ведения хозяйства составляло скотоводство, ногайцы обменивали скот на предметы необходимости со своими соседями [6, с. 5]. Ногайцы всегда были на высоте в вопросах гостеприимства, они отличались доброжелательно-

стью, вежливостью. К обычным, широко распространенным в быту суевериям, у них добавлялось «большое количество обрядов, очевидно имеющих языческое происхождение» [4, с. 93]. Очень близким по культуре к местным народам оказались туркмены (трухмены).

В русской исторической и этнографической литературе XVIII – начале XIX в. говорится о множестве племен трухмен и среди них особо выделяются такие, как чоудары и игдоры. Последние жили в бассейнах Маныча и Кумы. Серьезные перемещения племен начались в XVIII в. в связи с войнами и распряями между феодалами. На территорию Туркменистана совершают набеги Иран, Бухара и Хива, продолжается разорение народа и туркменскими феодалами. Все это обрекало Туркмению на общественно-политическую и культурную отсталость. Большое значение для развития Туркмении имел факт присоединения ее к России и прекращение набегов соседних стран Западной и Юго-Западной Азии.

Полуфеодалная знать придерживалась норм обычного права и адата, широко практиковавшейся неограниченной власти главы, соблюдения законов кровной мести, избегания и т.д.

Трухмены жили в юртах и меняли места жительства в зависимости от наличия корма на пастбищах. Особые воспоминания эдинбургские миссионеры сохранили об одном из трухменских вождей по имени Баттерси, который многое поведал им о значении религии в жизни человечества, о месте мусульманской и христианской религии в быту кавказцев, об обычаях и порядках трухмен. Миссионеры отмечают, что Кавказ «населенное большое количество племен, языки которых отличаются друг от друга не только диалектами, но и корневыми словами и конструкциями» [4, с. 92]. Деятельность миссионеров была, по мнению некоторых современников, не совсем удачной и благополучной. Ответом на это могут служить слова одного из авторов «Отчета», который замечал, что «никто из людей, а насколько нам известно, и даже сам Господь Бог не делал свою работу безупречно с самого начала» [4, с. 150].

И все же, отмечают миссионеры, жизнь отражает историю людей на разных этапах ее развития, а также особенности социально-экономической формации в динамике. Но нередко этот материал содержит немало вымыс-

ла и домысла в изображении бытовой и общественной жизни, обрастает вымышленными фактами. Будучи не совсем осведомленными в вопросах ислама, они порой прибавляют к бытовым невероятное количество обрядов языческого происхождения. За стенами миссии члены общества все чаще обращают внимание на своеобразные кабардинские селения и на людей, живущих в них. Кабардинцы, встречавшиеся в этих селах, оказывались, по их мнению, красивым народом, с правильными чертами лица, и открытыми, добродушными людьми.

Академик Российской академии наук С.А. Арутюнов отмечает с искренней любовью и симпатией к адыгам и другим народам Северного Кавказа, что у них существует единство поведенческих и этических ценностей, они красивы и в символическом плане «все мужчины носят черкеску» [1, с. 35]. Миссионеры обращают внимание на общественное положение феодального сословия «пши», на то, что «уздени» не всегда им подчиняются. Между тем адыгская нация считалась самой значительной в Центральном Кавказе и непочитание узденими отдельных феодалов было явлением, выходящим за рамки своего времени. «Во время набегов они захватывают пленных и обращают их в рабов», – отмечают современники [4, с. 95]. Данный момент, как известно, отрицательно сказался на образовании государства и способствовал утрате престижа феодальной власти в Кабарде. Законное единство адыгского народа, занимавшего почти весь Северный Кавказ, сегодня представлено значительно сократившейся численностью [7, с. 277].

Эдинбургские миссионеры, наблюдая жизнь, быт и обычно-правовые нормы адыгов, считали недостаточным характер их просвещения. В то же время специалисты – кавказоведы, зная общий уровень культуры молодежи, делали конкретный вывод, что среди адыгов проявляется склонность к образованию и что уровень образованности достаточно высок [8, с. 8]. Миссионеры и сами наблюдали, что в конце XVIII – начале XIX в. начинается усиленный рост строительства учебных заведений при мечетях и значительная часть населения все более вовлекается в культуру и образовательный процесс, интересуется жизнью соседних народов. Своей деятельностью эдинбургские миссионеры старались нести

мир и добро, благополучие и справедливость. Именно их «Отчеты», письма и дневники не дают нам права усомниться в их доброжелательном отношении к местному населению. Но мы, естественно, не отрицаем и того факта, что Англия XVIII – начала XIX в. деятельностью миссионеров преследовала свои политические и религиозные интересы и цели в Европе и на Кавказе.

Литература

1. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012. 387 с.
2. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. 600 с.

3. Адыги, балкарцы в известиях европейских авторов XII – XIX вв. / сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974. 632 с.

4. Загадочный мир народов Кавказа // Записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII – XIX вв. Нальчик, 2000. 446 с.

5. Мусукаев А.И. Шотландцы северокавказского происхождения // Россия и Зарубежье: генеалогические связи. М., 1999. С. 40 – 45.

6. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999. 175 с.

7. Хафице М. Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000. 277 с.

8. Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989. 523 с.

Поступила в редакцию

6 июня 2014 г.

УДК 94(470)

К ЭТИМОЛОГИИ ИСТОРИЗМА «АМАНАТ»

© 2014 г. Ф.А. Озова

Озова Фатима Анатольевна –
кандидат исторических наук,
доцент,
отдел истории и археологии
народов КЧР РГБУ,
Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований,
пр. Ленина, 17, г. Черкесск, 369000.
E-mail: fo7799@rambler.ru.

Ozova Fatima Anatolyevna –
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of History and Archaeology
of the Peoples of KCR RSBO,
Karachai-Cherkess Institute
for Humanities Research,
Lenina Ave., 17, Cherkessk, 369000.
E-mail: fo7799@rambler.ru.

Термин «аманат», часто встречаемый в русских документах XVI – XIX вв., как и сама проблема аманатства в истории внешней политики России, остаются и поныне неизученными. Проводится исследование его семантики в арабском, древнетюркском, турецком, русском, ногайском, крымско-татарском и черкесском языках. Дается определение понятию «amanat» и выявляется взаимосвязь трансформации значения этого ориентализма с трансформацией политики России в отношении Кавказа в XVI – XIX вв.

Ключевые слова: *этимология, семантика, понятие, залог, заклад, аманат.*

The term «amanat» often met in Russian documents of XVI – XIX centuries as well as the problem of «amanatism» itself in the history of foreign policy of Russia remain uninvestigated up to the present time. The article is devoted to the study of semantics of this cognate in the Arabic, Old Turkic, Turkish, Russian, Nogaisky, Crimean Tartar and Circassian languages. As a result of the research the author managed to give a definition to the concept of «amanat» and reveal the interconnection between the transformation of the meaning of this oriental word and the transformation of the policy of Russia in relation to the Caucasus in XVI – XIX centuries.

Keywords: *etymology, semantics, concept, pledge, pawning, amanat.*

Данная статья подготовлена на основе документов русско-черкесских отношений XVI – XIX вв. и материалов исторической лингвистики по использованию лексемы «аманат» в русском и черкесском языках. Актуальность исследования продиктована необходимостью изучения важного аспекта русско-кавказских отношений – системы аманатства, что требует выявления семантических значений этого историзма в русском и черкесском языках.

Политическое и дипломатическое заложничество издревле имело место в обычном праве многих народов мира и в международных отношениях. В период средневековья межкняжеские договора продолжали закреплять выдачей высокопоставленных дипломатических заложников. Этот институт широко применялся в византийской внешней политике. Союзники базилевсов были обязаны присылать в Константинополь своих сыновей на «воспитание», что использовалось для того, чтобы покрепче привязать их к себе: при императорском дворе они воспитывались «в духе преданности интересам империи; одновременно они служили заложниками на случай измены отцов» [1].

Арабские халифы также содержали при своем дворе в качестве заложников представителей своих союзников [2]. Практиковавшееся в международных отношениях внутри Кавказа дипломатическое заложничество отражало равный статус кавказских правящих домов и обладало характером обоюдного обмена. В данном случае оно было ближе к древним традициям такого института. К примеру, «Картлис Цховреба» сообщает о посредничестве царя Давида IV Строителя в 1118 г. при заключении мира между овсами и кыпчаками: «Овсы и кыпчаки, по предложению царя Давида, отдали друг другу заложников, учинили друг с другом обоюдное согласие, между собою мир и любовь» [3]. Такой характер дипломатическое заложничество продолжало иметь в османо-крымско-кабардинских и кабардино-кумыкских отношениях на протяжении XVI – XVII вв. [4, 5].

В Новое время эта традиция практически повсеместно прекратила свое существование. Однако московская дипломатия продолжала активное использование этого института на протяжении XVI – XIX вв. прежде всего в от-

ношениях со странами, расположенными к востоку и югу от России [6].

Институт дипломатического заложничества являлся изначально условием союзнических договоров князей России и Черкесии (Рюриковичей (позже – Романовых) и Иналидов), его история насчитывает более 300 лет (1552 – 1864). С XVII в. понятие «дипломатический заложник» стало обозначаться в русском языке ориентализмом «аманат» [7]. Датировка заимствования, сделанная М. Фасмером, подтверждается как современными историко-этимологическими исследованиями [8], так и многочисленными данными русско-черкесских документов XVI – XVII вв. Согласно последним, в XVI в. использовались исключительно исконно русские слова «заклад» и «залог», а с начала XVII в. наряду с ними стала употребляться лексема «аманат», которая в XVIII – XIX вв. их полностью заменила [4, 9].

Широкое бытование дипломатического заложничества (аманатства) отразилось в многочисленности статей об этом институте в русских словарях [7, 10, 11, т. 1; 12]. Рецензент словаря Брокгауза и Ефрона известный кавказовед Е.И. Козубский писал: «Сказав, что аманат, с восточнаго, значит заложник, что аманаты брались в древности и в средние века, статья ничего не говорит об аманатах на Кавказе, где именно система аманатов получила широкое развитие...» [13].

Исследование института аманатства в русско-черкесских отношениях XVI – XIX вв. привело к выводу о различной этимологии этого ориентализма в русском («аманат») и черкесском («аманһт», «Іэнэмэт») языках, указав на необходимость исследования их семантических отличий.

Для осмысления процесса адаптации ориентализма «аманат» в русском и черкесском языках необходимо прежде всего установить исконное семантическое значение арабского этимона и проанализировать процесс его лексико-семантической адаптации в языках, выступивших в отношении рассматриваемой лексемы одновременно и реципиентами, и посредниками: турецком, ногайском и крымско-татарском.

Арабский этимон. Многочисленные арабские лексемы «امان», «امانة» с корнем «amn» имеют чрезвычайно богатую семантику. Вот некоторые из значений, содержащихся в Свя-

щенном Коране, а также у Х.К. Баранова и В.Ф. Гиргаса:

[amanat] – «обязательство» [14], «доверенное имущество» [15], «доверенная кладь» [16];

[aman] – «безопасность, спокойствие, пощада» [17], «безбоязненность; охрана, защита, охранная грамота» [18];

[amanu] – «самый безопасный»;

[amanat] – «надежность, верность, преданность, честность»; «вещь, отдаваемая на хранение, заклад»;

[amin] – «находиться в безопасности»;

[amniyat] – «безопасность, гарантия, благонадежность» [17].

Лексемы с корнем «amn» имеют в арабском языке прежде всего религиозную семантику. Этот этимон обладает достаточно сложным теолого-философским толкованием, имея один корень со словами «iman» (вера в Бога) и «amin» (истинно, да будет) [17, 19].

Семантические значения лексемы «аманат» «надежность» и «то, что отдано на хранение» трактуются так: «Любое обязательство раба Аллаха перед его Господом, как и любые обязательства людей друг перед другом являются тем, что отдано им на хранение и что необходимо вернуть, иначе говоря, выполнить. Величайшим залогом (аль-аманат аль-кубра) является обязанность исповедания единобожия и выполнения всех велений и запретов ислама. В данном случае под залогом Аллаха подразумевается свойственная человеку изначально вера в Аллаха, определяющая собой все его действия до тех пор, пока какие-нибудь обстоятельства или наущения дьявола не свернут его с этого пути» [20].

Приведенная сентенция позволяет выделить типологические черты в семантике понятия «amanat».

Первая группа смыслов связана с отношениями порядка Бог – Человек: это ответственность или надежность человека перед Богом за дарованную на ограниченное время душу/жизнь. Неотъемлемым атрибутом человека является честь, которая берет начало от Бога. Эта ответственность предписывает определенные обязательства перед Ним. Прежде всего это сохранение души и чести через исповедание единобожия, соблюдения Его Законов и выполнение религиозных предписаний, сбережение тела – вместилища души.

Вторая группа смыслов имеет связь с отношениями порядка Человек – Человек: это ответственность или надежность одного человека перед другим за то, что вверено на хранение. Объектом этих отношений могут (может) быть все кто (что) угодно: человек, информация или различное имущество. Сбережение объекта этих отношений – обязанность или аманат того, кому они доверены. Особо выделяются отношения родителей и детей. Ребенок – аманат родителям от Бога, он доверен им для бережного воспитания.

Таким образом, все, что доверено Богом человеку или одним человеком другому, рассматривается исламской доктриной как Божественный залог (завет или заповедь) – аманат. Другая особенность аманата – временность. Пребывание в качестве аманата всегда ограничено каким-то отрезком времени.

Заемствование ориентализма «аманат» русским языком можно связать с его значениями «гарантия», «надежность» и «безопасность». Они были идентичны одному из устаревших смыслов исконных русских слов «залог», «заклад», а именно с поручительством при заключении договоров [11, т. 1]. Благоприятствовало этому и то, что понятие «аман» занимало важное место в военно-политических договорах мусульманских и немусульманских правителей в период средневековья [21].

Лексема «аманат» в арабском языке имеет антоним «хьянат» (предательство, вероломство, обман) [17].

Историзм «аманат» в русском языке. Проблема языка-источника для русского ориентализма «аманат» решена. Согласно М. Фасмеру, это слово арабского происхождения было заимствовано через посредство татарского, крымско-татарского, казахского [7].

Фонетическое звучание рассматриваемой лексемы можно назвать идентичным в русском, ногайском, древнетюркском, турецком и крымско-татарском языках. Незначительное фонетическое отстояние русского, турецкого, ногайского, крымско-татарского интернационализма от арабского этимона свидетельствует о заимствовании его в эти языки через письменную традицию. Ее графическое оформление выглядит как «аманат» (омонат, оманат [22]) (рус.); «аманат» (ног.); «āmanāt» (древнетюрк.) [23]; «emanet» (тур.), «эманет» (крымско-татар.) [7, 24 – 28].

Существует закономерность, согласно которой арабские исламские термины имеют более широкое и вместе с тем более глубокое значение, чем их эквиваленты-переводы на другом языке [29]. Это подтверждается и семантикой арабизма «*amanat*» в ряде тюркских языков. В древнетюркском эта лексема означала «поручение, обязанность»; в турецком в значительной мере сохранилась ее религиозная семантика; в ногайском – «вещь, деньги, находящиеся на хранении у кого-либо; то, что подлежит передаче третьему лицу или возврату; ист. заложник»; в крымско-татарском – «оставление на попечение, хранение, сбережение; тот, кто оставлен на чье-либо попечение; вещь, имущество, деньги, оставленные на хранение» [23 – 26, 28]. Сужение семантического значения при этих заимствованиях бесспорно, но очевидна и их достаточная семантическая близость к арабскому этимону [23 – 26], чего нельзя утверждать о семантике этого интернационализма в русском языке. Русские словари сводят ориентализм «*amanat*» к понятию «заложник» [10 – 12]. Однако в арабском, староосманском, турецком и крымско-татарском языках понятия «заложник» и «заложничество» не имели и не имеют ничего общего с лексемой «*amanat*». В этих языках понятие «заложник» связано с лексемой [*rehin*] [25, 28, 30, 31]. Эта лексема не знакома ни русскому, ни черкесскому языкам. Несмотря на то, что дипломатическое заложничество существовало в доисламском обычном праве арабских народов [32], неизвестно о наличии специального термина для его обозначения. В Османской империи это явление имело место в отношениях султана с владельческими князьями ряда восточноевропейских стран и Крымского ханства. В староосманском оно обозначалось термином [*rehinpalak*] («заложничество»), но в этом случае он приобретал «особый, отличный от обыкновенного значения характер» [31]. Таким образом, в турецком и крымско-татарском языках также отсутствовал специальный термин для обозначения такого явления, как «дипломатическое заложничество».

Семантическую трансформацию в русском языке лексемы «*amanat*» можно объяснить наличием в нем семантически близких ему понятий «*талъ*» [1, с. 138; 11, т. 4] (в древнерусский период – «дипломатический заложник») и «залог», «заклад» в смысле одного,

впоследствии устаревшего, значения: «заложиться за кого, стар. предаться под защиту» [11, т. 1]. В пользу этого утверждения говорят союзы царя с черкесскими князьями в XVI – XVII вв., которые были договорами «о защите» [33, 34]. М. Фасмер также указывал на близость семантики «*amanat*» со значением древнетюркского «*amanät*» («залог, поручение») [7, 23]. Поручителями при заключении договоров «о защите» могли выступать лишь представители правящей династии покровительствуемой страны. На наш взгляд, именно для обозначения такого человека – гаранта договора был заимствован русским языком ориентализм «*amanat*» [35]. При этом произошло как количественное, так и качественное изменение семантики его арабского прототипа – упразднилось значительное число его значений, сузилось понятийное поле. Философско-теологическая сущность исконной арабской лексической единицы была утрачена. Ориентализм «*amanat*» возместил утраченное некогда древнерусское слово «*талъ*» (дипломатический заложник) [1, с. 138]. Наиболее вероятно, что заимствование этой лексемы произошло именно из древнетюркского («*amanät*» – «залог, поручение»). Очевидна также взаимосвязь этой лексемы с понятием «*аман*», лежавшим в основе практики договорных отношений Османской империи с европейскими странами [7, 17, 21, 23].

Семантическое значение исконных русских слов «залог», «заклад» было чрезвычайно богатым и использовалось на всех уровнях жизни, начиная от быта, заканчивая экономикой и политикой. «Залогом» или «закладом» мог стать любой человек или любая вещь. В отличие от этих лексем, ориентализм «*amanat*» стал использоваться только в дипломатической сфере. Называя заложника аманатом, подчеркивали его исключительное социальное положение: стать аманатом мог только представитель высшей аристократии (князей, позже – первостепенных дворян и других влиятельных лиц), обладавшей прерогативами верховной политической власти. Массив эмпирических сведений о русско-черкесских отношениях XVI – XIX вв. свидетельствует о том, что аманатами становились представители ключевых фигур политической жизни Черкесии. Царские воеводы старались взять в аманаты старших сыновей (потенциальных

наследников) владетелей черкесских княжеств.

Выдачи «закладов» – «аманатов», как и клятва [36] (рота), были условиями заключения письменных договоров (шертей) [6, с. 137 – 138; 37]. Христианская и мусульманская юриспруденции, отмечая юридическое значение понятий «клятва» и «присяга», выделяли их сакральный характер в смысле ответственности перед Богом [38, 39]. Мусульманское право не приемлет принесение клятв заложниками [40]. Но, как это ни парадоксально, заимствование арабизма «аманат» диктовалось стремлением придать институту заложничества, развившемуся в систему именно усилиями московской дипломатии, видимость «законности» и налет сакральности.

Со временем смысл термина «аманат» трансформировался и стал отличаться от значения, которое ему было присуще при вхождении в лексико-семантическую систему русского языка в XVII в. [41]. Такая трансформация отразилась в языке дальнейшей редукцией семантики этого заимствования. Тому способствовало прежде всего изменение кавказской политики Москвы, когда дипломатические методы практически перестали использоваться, а основная ставка была сделана на военно-колониальное завоевание. В период Кавказской войны аманатом/заложником уже мог стать любой политически влиятельный человек независимо от его социального статуса. В результате можно говорить о том, что на русской почве произошла семантическая деривация лексемы «аманат»: изначальная семантика – «дипломатический заложник» модифицировалась в понятие «заложник». Более того, в казачьей народной речи понятие «аманат» приобрело значение «обманщик» [7, 42]. В данном случае русское заимствование «аманат» по своей семантике стало совпадать с арабским антонимом этого этимона – «хья-янат» (предательство, вероломство, обман [17]). Таким образом, семантическое изменение со временем стало столь радикальным, что можно говорить даже о практически полном отрыве русского заимствования от арабского этимона. Лингвисты отмечают, что такие лексемы арабского происхождения нельзя и относить к арабизмам [43].

Лексемы «анемат»/«Іэнэмэт» и «аманһт» в черкесском языке. Ш.Б. Ногма в своем словаре приводит две лексемы «анемат» и

«аманһт» со значением «заложник» [44]. Лексема «анемат»/«Іэнэмэт» продолжает существовать в современном черкесском языке, в то время как черкесская лексема «аманһт» как и «аманат» в русском языке является историзмом. В этимологическом словаре А.К. Шагирова имеется лишь одна лексема «аманат» в значении «заложник» [27]. Очевидно, что во времена Ш.Б. Ногмы эти две лексемы употреблялись параллельно для обозначения понятия «дипломатический заложник». Очевидно, что при вторичном заимствовании лексема «анемат»/«Іэнэмэт» просто стала употребляться наряду с лексемой «аманһт». Со временем, когда вторая лексема вышла из употребления и стала историзмом, утратился этот смысл и у лексемы «Іэнэмэт», но сохранились все другие семантические значения. Таким образом, в XX в. взаимосвязь этих двух слов, возможно, уже и не осознавалась. А.К. Шагиров даже не счел нужным анализировать в контексте понятия «аманат-заложник» лексему «анемат»/«Іэнэмэт». Тем не менее Ш.Б. Ногма предполагает, что, изучая этимологию слова «аманат», нельзя обойти вниманием и его синоним «анемат»/«Іэнэмэт», также восходящий к арабскому этимону «amanat».

А.К. Шагиров указывал, что историзм «аманат» был заимствован в черкесский язык из арабского и турецкого языков [27]. Однако зафиксированное Ш.Б. Ногмой существование в черкесском языке двух лексем «аманһт» и «анемат»/«Іэнэмэт» свидетельствует, что это слово было заимствовано в язык дважды, что обусловлено экстралингвистическими причинами. Очевидно, что эти две черкесские лексемы, произошедшие от одного ориентализма «amanat», проникли в черкесский язык в разное время и имели разную адаптацию в языке. Возможно, первичное заимствование в форме «анемат»/«Іэнэмэт» произошло из языка этимона в период интенсивных средневековых дипломатических, династических и торгово-экономических черкесско-египетских, черкесско-монгольских, черкесско-крымско-османских и черкесско-ногайских связей, которые были в то время сопряжены с конфессиональными вопросами. С последним аспектом было связано проникновение и закрепление в языке соответствующих исламских религиозных дефиниций [45 – 47], одной из которых могла быть и лексема «анемат»/«Іэнэмэт». Арабский этимон был успешно адаптирован на фонети-

ческом, синтаксическом и семантическом уровнях черкесского языка. Лексема «Іэнэмэт» имеет в отличие от арабского этимона и его интернационализма в русском, ногайском, древнетюркском, турецком и крымско-татарском языках, оригинальное фонетическое звучание – [anemat] («анемат» по Ногме) или в современном графическом оформлении – [Іэнэмэт] [48]. Значительное фонетическое отстояние этой лексемы от арабского этимона при значительной семантической близости говорит о том, что оно было заимствовано из арабского языка через устную традицию. Значительная фонетическая трансформация, как и смысловая близость арабизма «Іэнэмэт» к исконному этимону объясняется также наличием в черкесском языке семантически близких ему синтаксических конструкций. Так, семантика термина «Іэнэмэт» и выражения «нэІэ тегъэтын» полностью совпадают, хотя об их этимологии этого не скажешь. Выражение «нэІэ тегъэтын» означает «держатъ под присмотром, опекой, вниманием кого-либо, чего-либо». Здесь «нэІэ» составное слово («нэ» – глаз, глаза, «Іэ» – рука, руки; «тегъэтын» – держатъ под присмотром, заботиться). Кроме того, есть еще выражение «нэІэм щІэкІын», означающее выйти из-под опеки, присмотра, заботы и т.д. «НэІэ» – это по форме переставленные первые слоги («Іэ» – рука + «нэ» – глаз) в черкесской транслитерации слова «аманат» – «Іэнэмэт» (консультация канд. филол. наук Х.С. Братова).

Черкесским языком было заимствовано множество значений полисемичного слова-этимона. Семантическое значение черкесского слова «Іэнэмэт» уже семантики этимона, но степень их отстояния друг от друга незначительна. Ориентализм «Іэнэмэт» сохранил теолого-философский смысл, воспринятый вместе с религиозной исламской доктриной. Сохранились оба уровня этого понятия: Бог – Человек и Человек – Человек. В переводе смыслов Священного Корана на черкесский язык лексема «Іэнэмэт» имеет значение – «обязательство» [49], «доверенное имущество» [50]. И сегодня в черкесском языке широко бытуют выражения: «Алыхьым и Іэнэмэтщ» – «анамат Аллаха»; «АлыхьымдриІэнэмэтщ» – «мы – аманаты Аллаха»; «ІэнэмэтхуащІын» – «поручить кому-либо присматривать за кем-либо, охранять кого-что-либо» [40]; «си сабийруиІэнэмэтщ» – в смысле «прими моего

ребенка на какое-то время под свой аманат, т.е. под свое попечительство, заботу». Оно звучит как заклинание и имеет сакральный смысл, подразумевая существование ответственности любого взрослого человека за ребенка перед Богом.

В черкесском языке в качестве Іэнэмэт'а может выступать как человек, так и какой-либо вещественный предмет, который дорог его владельцу. Подразумевается, что вручаемое (Іэнэмэт) попечителю отдается ему на сохранение и должно обязательно возвратиться к владельцу. Человек, принимая кого- или что-либо в Іэнэмэт'ы, тем самым брал на себя обязанность сохранить его непременно, даже ценой жизни, так как сохранность Іэнэмэт'а становилась делом жизни и чести попечителя. «ІэнэмэтгъейратиумыщІэкІ» – «Не ищи выгоды от аманата» – говорит черкесская пословица [40]. Именно в этом исконном понимании бережного рдения к кому- или чему-либо это слово употребляется широко и по сей день.

Вторичное заимствование лексемы «amanat» в черкесский язык произошло в XVII в. из русского языка через письменную традицию, на что указывает фонетическая близость черкесского термина «аманит» к русскому – «аманат». Установление дипломатических отношений между царем Иваном IV и владельческими князьями Черкесии и заключение договоров «о защите» (1552, 1555, 1557) было закреплено поручительством черкесских князей своими сыновьями. Первыми дипломатическими заложниками в Москве были сыновья черкесских князей: бесленеевского князя Машуко Каноко, жанеевского князя Сибоко Кансаукова, кабардинского князя Темрюко Идарова – соответственно: Аха Машуков (Рамадан) (в крещении Петр Черкасский) [51], Кудадек Сибоков (Александр Черкасский) и Салтан Темрюков (Михаил Черкасский). Они были поселены, как это было принято вплоть до построения крепости Терки (третьей по счету) (1589), при царском дворе у «царского приближения по их достоинству» [33, с. 47]. В соответствии со старой византийской традицией при русском дворе уделялось внимание воспитанию и образованию дипломатических заложников. Никоновская летопись отмечала, что «велел царь и великий князь князю Александру (Кудадеку Сибоко. – Ф.О.) жити у себя во дворе и учити его велел грамоте со царем Александром Казанским вместе» [52, с. 239]

(шестилетний хан Утемьш-Гирей (1545 – 1566)), пребывавшим в Москве также в качестве заложника [53, 54]. Сын великого князя Кабарды Темрюко Идарова приехал в Москву в октябре 1558 г. Он также жил и обучался грамоте при царском дворе [52, с. 312 – 313]. Как в России, так и в Черкесии эти дипломатические заложники назывались «воспитанниками». Так, Ш.Б. Ногмов писал, что князь Салтан Темрюков был отдан «для воспитания царю Иоанну Васильевичу», что «кабардинцы прозвали Михаила Урусъкан (в совр. черк. яз. Урыскъан), т.е. «воспитанник русского» [55].

Существовавший в русско-черкесских отношениях институт заложничества всегда носил односторонний характер, т.е. в аманаты отправлялись только представители черкесской аристократии [56]. Но если на первых порах этот акт носил добровольный характер, то на протяжении долгого времени вследствие перехода Москвы от политики диалога с Черкесией к политике давления он имел различную степень принудительности. Это обстоятельство отразилось и на уровне языка, прежде всего в семантических различиях терминов «аманат», «аманһт» и «Іэнэмэт». Если в арабском, турецком, крымско-татарском, ногайском и черкесском языках речь идет только о передаче стороной обладательницей аманата другой стороне в силу всеобъемлющего доверия к ней кого- или чего-либо на сохранение на какое-то время с обязательным условием возвращения этого человека или предмета доверителю по его первому требованию в целостности и сохранности, то в русском языке «аманат» – это только «человек, данный или взятый в виде залога, в обеспечение верности договора» [11]. Исторические факты свидетельствуют, что из двух слов «данный или взятый» в подавляющем большинстве случаев действовало второе слово «взятый». Это уже само по себе отражало наличие элементов принуждения в выстроенной Посольским приказом целой системе аманатства. М. Ходарковский отмечает отличие взглядов двух сторон, участвовавших в функционировании института аманатства: «Если воеводы видели в них знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то “иноверцы” – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве (цит. по: [6, с. 139 – 140]).

Со временем, когда институт аманатства в двусторонних черкесско-русских отношениях был ликвидирован, слова «аманһт» и «аманат» стали историзмами в обоих языках. Лексема «Іэнэмэт» продолжает свою активную жизнь в черкесском языке в религиозной и повседневной жизни. В понимании этого слова присутствует только добровольная передача его кем-либо какому-либо доверенному лицу и возвращение Іэнэмэт'а по первому требованию доверителя. Субъектом в отношениях, возникающих вокруг Іэнэмэт'а, согласно данным черкесского языка, выступает только доверитель аманата, в то время как в русском языке субъектом в отношении аманата являлся как его доверитель, так и хранитель. Этот конфликт смыслов ярко проявился в функционировании системы аманатства в Черкесии в XVII в., что стало, конечно, и причиной вторичного заимствования черкесским языком ориентализма «amanat» и его бытование в двух взаимоисключающих значениях. Со временем, с исламизацией Черкесии, эта парадоксальность усиливалась исламскими постулатами. Один из бытующих в черкесском языке хадисов звучит так: «ІэнэмэтымкІэ тхьэлъанэзычІырдидинымиткъым» [40] – «Кто приносит клятву аманатами, тот не наш единоведец». Таким образом, русская и черкеская этимологии ориентализма «amanat» достаточно ярко показывают, в силу чего институт дипломатического заложничества стал одним из факторов, оказавших значительное влияние на трансформацию содержания русско-черкесских отношений на протяжении XVI – XIX вв. в сторону утраты взаимного доверия и взаимопонимания.

Таким образом, ориентализм-название «amanat» был заимствован черкесским языком дважды. В значении первичного заимствования он близок к арабскому этимону и очень органично вписался в лингвистическую систему черкесского языка, в результате фонетической адаптации образовав лексему «анемат»/«Іэнэмэт». Его вторичное заимствование состоялось в XVII в. и было связано с развитием черкесско-русских дипломатических связей, оно проявилось образованием новой лексемы «аманһт», находившейся ближе к русскому ориентализму «аманат», нежели к арабскому этимону. Как в русском языке, так и в черкесском эта лексема стала использоваться для обозначения понятия «дипломати-

ческий заложник». Аманаты выступали гарантами договоров «о защите» и союзе, а в XIX в. – «о подданстве». Именно поэтому аманатами могли быть только представители высшей аристократии, обладавшие привилегиями высшей политической власти. В Черкесии к ним относились члены правившей династии князей/пщы Иналидов. Со временем в связи с изменением характера кавказской политики Москвы статус аманатов существенно понизился, что отразилось в языке дальнейшей редукцией семантики этого заимствования.

В современном русском языке этот термин не употребляется. Он интересен лишь исследователям в области истории и исторической этимологии, каждый из которых имеет свою точку зрения на эту лексему [57]. Одни из них справедливо считают, что «аманат» – это историзм [29]. Другие квалифицируют его как термин, «относящийся к военной службе» [58], третьи – как варваризм, характерный изначально, как это ни парадоксально, только кавказским народам [59].

В черкесском языке лексема «аманһт» – историзм, лексема же «анемат»/«Гэнэмэт» жива в значении первичного заимствования, близком арабскому этимону.

Литература и примечания

1. История дипломатии: в 5 т. М., 1959. Т. 1. С. 105.
2. *Заходер Б.Н.* История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 80.
3. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 149.
4. К примеру: *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из Московского архива Министерства Иностранных Дел. М., 1889. С. 350.
5. Книга путешествия. Турецкий автор ЭвлияЧелеби о Крыме (1666 – 1667 гг.) / пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 87 – 88.
6. *Трепавлов В.В.* «Белый царь» // Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. М., 2007.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О.Н. Трубачева; ред. и предисл. Б.А. Ларина. М., 1964. Т. 1.
8. *Гилязетдинова Г.Х.* Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. С. 16.
9. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. М., 1957. Т. 1. XVI – XVII вв. / сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов; ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева.; Т. 2. XVIII в. / сост. В.М. Букалова; ред. Н.А. Смирнов, У.А. Улигов.
10. *Татищев В.Н.* Лексикон российский. Исторический, географический и гражданский // Избр. произведения. Л., 1979. С. 162.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репринтное издание. СПб., 1996.
12. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1.
13. Русский архив. 1894. Кн. 1. С. 437 – 438.
14. Коран (на араб. и рус. яз.). Сура 23. Ст. 8 / пер. смыслов и комментарии В. Пороховой; гл. ред. Мухаммад Саид Аль Рошд: 3-е изд., доп. и перераб. М., 1997. С. 361, 741 (Прим. 1422).
15. Коран (на рус. яз.). Сура 4. Ст. 58 / пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990. С. 88.
16. Коран. Сура 4. Ст. 58 / пер. смыслов и комментарии В. Пороховой. ... С. 106, 741 (Прим. 1422).
17. *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь: 7-е изд. М., 1989.
18. *Гиргас В.Ф.* Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. Репринтное воспроизведение 1-го издания 1881 г., осуществленного в г. Казань. М.; СПб., 2006.
19. Библийская энциклопедия. Репринтное издание. М., 1990. С. 41.
20. Арабские термины с переводом. URL: <http://www.religia.kz/2009-01-06-05-37-02/99-2009-01-21-11-04-50/2218-2009-08-28-12-36-39.html> (дата обращения: 08.02.2012).
21. Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991. С. 20.
22. Родословная кабардинских князей и мурз XVII в. (из родословной книги, принадлежавшей А.И. Лобанову-Ростовскому) // Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 386, 387.
23. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
24. Ногайско-русский словарь / под ред. Н.А. Баскакова. М., 1963.
25. Турецко-русский словарь. М., 1945.
26. Крымско-татарско-русский словарь / сост. С.М. Усеинов. Симферополь, 2005.
27. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2 т. М., 1977. Т. 1.
28. Словарь мусульманских терминов. URL: <http://evim.ukoz.com/forum/10-2248-1> (дата обращения: 08.02.2012).

29. *Александрова О.И.* Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: <http://lib.rudn.ru/avtoreferaty/Aleksandrova.pdf> (дата обращения: 17.02.2012).
30. Русско-арабский учебный словарь / сост. Г.Ш. Шарбатов. 2-е изд., стереотип. М., 1979.
31. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2 т. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 302.
32. Юридический словарь. URL: encdic.com/le-gal/Amanat-245.html (дата обращения: 08.02.2012).
33. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. М., 1957. Т. 1.
34. *Озова Ф.А.* К вопросу об условиях союзов царя Ивана Грозного с князьями Черкесии // Российская история. 2011. № 11. С. 77 – 79.
35. Лингвисты утверждают, что в русском языке именно ориентализмы-названия, характеризующие человека, являются наиболее многочисленными: *Сывороткин М.М.* Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/sistema-adaptatsii-zaimstvovannoi-leksiki-tyurksko-go-i-finho-ugorskogo-proiskhozheniya-v-so> (дата обращения: 08.02.2012.)
36. Ритуал принесения клятвы известен в различных культурах как языческих, так и связанных с Авраамической традицией. Со времен Ветхого Завета клятва стала закономерным и нормативным актом, присяга на верность была одним из опорных столпов феодальной эпохи. Черкесы на протяжении более чем 1000 лет были православными христианами. С 1475 г., с момента военной экспансии Османской империи в Черкесию, под видом газавата началось уничтожение черкесского православия. В середине XVI в. черкесские князья заключили союз с Иваном Грозным с целью избавления своей страны от османо-крымской экспансии. Договор 1552 г. был освящен крестоцельной клятвой черкесских князей. Тогда же были предприняты усилия для сохранения христианства как государственной религии Черкесии. Однако союз и связанные с ним усилия потерпели фиаско. Все последующие договоры черкесских князей с русскими царями сопровождались клятвами на Священном Коране.
37. *Зайцев И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России в XVI – XIX веках // Отечественная история. 2008. № 4. С. 3, 5.
38. *Керимов Г.М.* Шариат // Закон жизни мусульман. М.; СПб., 2007. С. 31, 32.
39. *Антонов Д.И.* Клятва и крест: проблемы судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI – XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 42, 48.
40. *Пицыхъэццэ Л.И., Пымыжьсхъ Т.* Адыгэбзэм къыхыхъа хьэрып псалъэхэр // Словарь арабизмов кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2006. С. 18.
41. *Озова Ф.А.* Аманаты Черкесии в период царствования Иоанна IV Васильевича // Исторический вестн. Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (далее – Исторический вестн. КБНЦ РАН). Нальчик, 2009. С. 92, 93.
42. Исторический словарь. URL: <http://enc-dic.com/history/Amanat-1708.html> (дата обращения: 17.02.2012).
43. *Александрова О.И.* Лексика арабского происхождения в системе современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: <http://lib.rudn.ru/avtoreferaty/Aleksandrova.pdf> (дата обращения: 17.02.2012.)
44. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды: в 2 т. / Исследовал и подготовил к печати Г.Ф. Турчанинов. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 133.
45. *Шагиров А.К.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989. С. 74.
46. *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959. С. 99.
47. *Сокуров В.Н.* Кабардинские грамоты XVI – XVIII вв. Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 162 – 201.
48. Первая фонема «I», в иберийско-кавказской транскрипции [ʔ], в русском языке слышится впереди при произнесении, например, слова «аминь» (черк.«Iэмин»). Досадно, что в «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» А.К. Шагирова и «Словаре кабардино-черкесского языка» арабизм «аманат», произносимый как [Iэнэмэт] не получил должного орфографического оформления и написан как «анэмэт». Эта орфография вызывает аргументированное возражение ряда авторитетных лингвистов, считающих более адекватным фонетическому звучанию правописание «Iэнэмэт» (в нашей статье мы будем придерживаться именно такого правописания). (Консультация к.ф.н. Х.С. Братова).
49. КъурIэн (на араб.и черкес. яз.). П. 23. Iэятр 8 // КъурIэнымрэ КъурIэным и Iэятхэмрэ я мыгIэнэмрэадыгэбзэкIэ (къэбэрдей) ззыдзэкIахэр:

Хьюажь Мухьэмэдхьер, Боли Мустафар, Налю Заур. Налщык, 2001. Н. 342.

50. Там же. П. 4. Iэятр 58. Н. 87.

51. Имя сына бесленеевского князя Машуко зафиксировано как Агамашуков (Ахамашуков). На наш взгляд, в данном случае соединились воедино османский почетный титул командира янычарского войска «ага», который, очевидно, имелся у сына Машуко, шурина султана Сулеймана Великолепного и имя его отца «Машуко» (Машукьуэ-черк.). Скорее всего турецкий титул князя Каноко, находившегося до приезда в Москву в Стамбуле, стал в России, где ни этот титул, ни его имя не были привычны, частью его полного имени. По прибытии в Россию князь Каноко принял крещение и имя Петр. Его османский титул и имя отца стали частью его полного имени – Петр Агамашуков (Ахамашуков) Черкасский. Князь Петр Черкасский, согласно версии историка В. Сокурова, основанной на архивных материалах РГАДА, носил до крещения имя Рамадан (Сокуров В. Черкесский кондотьер Ивана Грозного. Князь Махошко Канок // Родина. 2011. № 11. С. 55 – 58).

52. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1904. Т. XIII.

53. Казанский царевич Утемыш-Гирей (Утямеш-Гирей) в возрасте четырех лет унаследовал престол от скончавшегося при странных обстоятельствах отца – хана Сафа-Гирея в 1549 г. Он был отдан в Россию 11 августа 1551 г. вместе с матерью Сююн-бике (дочь антимосковски настроенного владетеля Ногайской орды Йюсуф-бека) промосковски настроенной казанской знатью в залог своих договоренностей с царем Иваном IV.

Шестилетний хан Утемыш-Гирей был по приказу царя насильственно разлучен с матерью, крещен. Он стал воспитываться в царском дворце в русско-православном духе, что было воспринято его матерью как гибель сына: «Дорогой мой сын достиг шести лет, Ушел из этого брэнного мира, и одно горе мое исчезло» (Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 97 – 99).

54. *Урманче Фатых*. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья: Основные проблемы изучения баитов. Казань, 2002. С. 41, 42.

55. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа составленная по преданиям кабардинцев / вступ. ст. и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1994. С. 123.

56. *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестн. КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 57.

57. Существует лишь одна историко-этимологическая статья, специально посвященная лексеме «аманат»: *Гилязетдинова Г.Х.* Из истории слова аманат в русском языке // Программа итоговой конференции в Казанском (Приволжском) университете. Казань, 2010. К сожалению, она для нас осталась недоступной.

58. Лексика арабского происхождения в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. URL: <http://zexy-999.ru/item/items995697.html> (дата обращения: 08.02.2012).

59. *Тютюнина Е.С.* Аманаты в Кизляре 1756 г. // Генеалогический сборник. Москва; Нальчик, 2007. № 18. С. 189.

Поступила в редакцию

12 мая 2014 г.

УДК 37

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ХРИСТИАНСКИМ КОНФЕССИЯМ НА ЗЕМЛЯХ ЮГА РОССИИ В 1924 – 1964 ГОДАХ

© 2014 г. В.А. Родионов, Д.В. Свентицкий

Родионов Виктор Александрович – аспирант, кафедра истории России, Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова, ул. Инициативная, 48, г. Таганрог, 347936. E-mail: rector@tgpi.ru.

Rodionov Viktor Aleksandrovich – Post-Graduate, Department of History of Russia, Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov, Initiativnaya St., 48, Taganrog, 347936. E-mail: rector@tgpi.ru.

Свентицкий Денис Владимирович –
аспирант,
кафедра истории России,
Таганрогский государственный педагогический
институт им. А.П. Чехова,
ул. Инициативная, 48, г. Таганрог, 347936.
E-mail: denis.svientitskii@mail.ru.

Sventitskiy Denis Vladimirovich –
Post-Graduate,
Department of History of Russia,
Taganrog State Pedagogical
Institute named after A.P. Chekhov,
Initsiativnaya St., 48, Taganrog, 347936.
E-mail: denis.svientitskii@mail.ru.

Рассматривается политика государства в отношении наиболее распространенных христианских конфессий в различные периоды существования советского строя, а именно: период правления И.В. Сталина и Н.С. Хрущева. Анализируются меры и методы борьбы государства с религиозными общинами и их влиянием, а также изменения их под воздействием тех или иных внутри- и внешнеполитических факторов. Делаются выводы о результатах антирелигиозной политики, проводимой в сталинский и хрущевский период, выделяются ее главные особенности и эффективность претворения в жизнь постановлений партии на местах, в частности на Юге России.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, конфессия, агитация, пропаганда, религия.

The article considers the state policy in relation to the most common Christian denominations in different periods of the Soviet system, especially during the ruling of I.V. Stalin and N. S. Khrushchev. Measures and methods of state control of religious communities and their influence, as well as their changes under the influence of different inside and external factors are analyzed. The purpose of the article is giving a comparative analysis of anti-religious policies pursued in the period of Stalin and Khrushchev. The main features and effectiveness of the implementation of the Party regulations regions and in particular in southern Russia are considered.

Keywords: anti-religious propaganda, confession, agitation, propaganda, religion.

Сравнительный анализ особенностей политики в отношении христианских конфессий советского государства в сталинский и хрущевский период на территориях Юга нашей страны, а конкретно Ростовской области и Краснодарского края, не получил широкого освещения в научной литературе. Ввиду разнообразия различных деноминаций, которые существуют в рамках этой религии, целесообразно в нашем исследовании упомянуть наиболее распространенные на южно-российских землях православие, католичество, армяно-григорианское вероисповедание, из протестантских церковных обществ – баптизм и лютеранство.

Для всестороннего изучения этой проблемы уместно разделить эпоху правления Сталина на несколько этапов: 1) новая экономическая политика (НЭП) до 1929 г.; 2) индустриализация 1929 – 1941 гг.; 3) Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.; 4) послевоенный период 1945 – 1953 гг. Период правления Хрущева 1953 – 1964 гг. не станем подразделять на этапы, так как он проводил последовательную антирелигиозную политику на протяжении почти всего времени нахождения у власти.

Тематика взаимоотношений церкви и государства в нашей стране представляет определенный интерес для исследователей. Например, по этой проблеме был защищен ряд диссертаций. Так, Г.Н. Карманова изучает деятельность государственных органов в отношении религиозных организаций в советский период [1]. Н.И. Ибатуллина рассматривает особенности становления государственной политики в отношении Русской православной церкви в кризисный период радикальной трансформации социально-экономического и политического строя, последовавший за революционным переворотом 1917 г. [2]. По материалам Горьковской и Кировской областей Л.Г. Сахарова анализирует перестройку государственной политики в отношении церкви, поиск способов и путей сотрудничества с церковью для организации защиты Отечества [3].

Вследствие чего с теоретической и практической точки зрения нам целесообразно исследовать эту проблему в рамках данной статьи.

Эпоха НЭПа характеризовалась экономической отсталостью и зависимостью нашей страны от промышленных поставок из государств Запада. Попытки правительства СССР начать

репрессивную политику против духовенства различных религий вызывали мощные протесты в общественном мнении наиболее развитых стран. Это вынуждало руководство Советского Союза проводить политику антирелигиозной агитации. Но осуществление ее в эпоху НЭПа на Юге России было неудовлетворительным, так как агитпроп данных регионов испытывал нехватку образованных кадров [4]. Таким образом, атеистическая агитация на территории южных областей нашей страны в 1924 – 1928 гг. не носила массового характера и не имела успеха среди местного населения.

В 1929 г. политическая ситуация на Западе резко изменилась. Ведущие страны мира поразили мощный системный кризис, который почти полностью разрушил экономику держав. Правительства этих государств были вынуждены начать переговоры с советским руководством о поставках на Запад хлеба и другого необходимого сырья. Взамен они расплачивались новейшими на тот период военными и гражданскими технологиями. Таким образом, начался период индустриализации народного хозяйства в нашей стране. Вместе с этим кризис и определенная сырьевая зависимость от СССР не позволили западным державам вмешиваться в курс антирелигиозной политики, что послужило поводом начала кампании по ликвидации не только духовенства и активных мирян, но также приходских структур христианских конфессий в нашей стране. Целью местных партийных органов и Союза воинствующих безбожников являлась ликвидация религиозной веры и уничтожение культовых объектов. Например, в 1929 г. был закрыт католический приход в Новочеркасске, в 1936 г. тамбовский костел Воздвижения Св. Креста был переоборудован под фабрику [5]. В 1940 г. состоялось закрытие новороссийской католической общины. Значительный урон понесли также другие христианские конфессии – православие, баптизм, лютеранство. К концу 30-х гг. XX в. в данном макроэкономическом регионе были ликвидированы все протестантские приходские структуры и православные епархии [6]. В период коллективизации советские органы власти на Юге России продолжали проводить антирелигиозную агитацию. Однако ее результаты были минимальными, например, на Кубани даже спустя двадцать лет после установления советской власти атеистическое мировоззрение не являлось доминирующим [7].

Начало Великой Отечественной войны внесло определенные изменения во взаимоотношения государственных структур и последователей различных религиозных течений в СССР. Немцы способствовали возрождению «церковной жизни» на занятых ими территориях. Так, в частности, в Краснодаре в декабре 1942 г. нацистами были открыты не только уцелевшие православные храмы, но также лютеранский и армяно-григорианский приходы [8], в Ростове-на-Дону – костел. Таким образом, немецкие оккупационные власти пытались привлечь к сотрудничеству максимальное количество жителей занятых ими территорий, в том числе религиозные меньшинства.

Политика нацистов была объектом пристального внимания не только высшего руководства СССР, но и правительств Великобритании и США. Общественное мнение западных держав требовало от правительства Советского Союза пересмотра отношения к религиозным общинам. Весной 1942 г. на неоккупированной части нашей страны, в том числе в южных регионах, с разрешения И.В. Сталина прошли пасхальные богослужения в уцелевших православных храмах. По итогам их проведения был опубликован агитационный альбом с комментариями на английском языке «Правда о религии в СССР». Однако качественные изменения в положении верующих на Юге нашей страны произошли лишь в 1943 г. 8 сентября в Кремле состоялась встреча И.В. Сталина и четырех иерархов Русской православной церкви. На этом совещании были достигнуты договоренности о сотрудничестве между государством и церковью в борьбе с нацистской Германией. В результате руководство СССР несколько изменило свое отношение к различным религиозным течениям [9].

После изгнания немецких войск с Юга России на освобожденных землях советская власть проявляла терпимость к последователям различных конфессий. Открытые фашистскими захватчиками православные, баптистские, католические и иные приходские структуры не подвергались закрытию. В Ростове-на-Дону в 1944 г. официально был зарегистрирован католический костел. В Таганроге до сентября 1945 г. местные баптисты в качестве молитвенного дома использовали переданную им нацистами детскую библиотеку [10].

Необходимо заметить, что местные партийные органы в соседних регионах РСФСР в послевоенный период избирательно подходили к

проблеме возрождения деятельности религиозных общин. Так, католическая община в Тамбове не была восстановлена [11]. В Воронеже костел также не был передан последователям этой конфессии, вместо этого его отдали в пользование баптистам. Деятельность приходских центров католической церкви в послевоенный период не была налажена и в других крупных городах нашей страны: Курске, Белгороде, Краснодаре, Астрахани, Сталинграде [12]. Только в настоящее время восстановлены приходские структуры данной конфессии. Однако общины иных конфессий, например, православные, сектантские, протестантские, восстанавливались. К 1945 – 1946 гг. была возобновлена деятельность Сталинградской епархии [13]. Но советские органы власти в лице Совета по делам религиозных культов препятствовали приезду настоятеля в единственную действующую католическую общину на юге России, которая находилась в Ростове-на-Дону. Они не позволили служить в этом приходе латышскому священнику А.С. Рукманису. Более того, в 1952 г. ростовская община Святой Вечери была ликвидирована, несмотря на протесты верующих [14].

Из приведенных выше фактов можно сделать вывод, что последователи католицизма по сравнению с другими конфессиями наиболее часто сталкивались с противодействием со стороны советских руководителей.

С приходом к власти Н.С. Хрущева в жизни общества произошел ряд демократических преобразований, названный в исторической и публицистической литературе оттепелью. Однако в то же время против различных конфессий была развернута широкая атеистическая кампания, и демократические преобразования общественной жизни в хрущевский период не коснулись религиозной сферы. Подобные действия правительства были вызваны усилением роли различных конфессий и восстановлением духовенством утраченных позиций во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кроме того, Н.С. Хрущев обозначил внутривластный курс страны полностью без религиозного общества. В частности, он обещал показать «последнего попа по телевизору».

Но, невзирая на масштабность, действия хрущевской администрации в отношении церкви отличались от довоенных гонений. Власть стремилась законодательными мерами препятствовать религиозной деятельности духовных лиц. Вместе с этим отсутствовали на юге нашей страны случаи массового ареста церковнослужителей

и репрессий в отношении мирян. Несмотря на жесткую внутреннюю политику в этом вопросе, на международной арене советское руководство стремилось сохранить видимость участия церкви в политической жизни страны, чтобы не дать повода странам Запада обвинять СССР в гонениях на верующих. К тому же антирелигиозная политика внутри страны сочеталась со стремлением использовать церковь как инструмент внешней политики. Например, Русская православная церковь в 1961 г. вступила в Международный совет церквей.

Активизация деятельности религиозных организаций вызвала недовольство партийных органов. В связи с этим 07.07.1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению». В нем отмечалась неудовлетворительная работа многих партийных организаций в данном направлении. По мнению членов ЦК, посредственное руководство научно-атеистической пропагандой среди населения привело к тому, что в результате этот важный участок идеологической работы оказался в запущенном состоянии». Осуждение высших партийных органов вызвала не только халатность партийных организаций на местах, но и факты грубого администрирования и оскорбления чувств верующих и духовенства со стороны отдельных местных работников. Антирелигиозная пропаганда должна была вестись методом убеждения, разъяснения и индивидуального подхода к верующим, но не в виде прямых нападок на церковь и последователей религиозных культов. В основу ложилась широкая пропаганда естественнонаучных знаний, разъяснение с научной позиции вопросов о строении вселенной и явлений природы. Для достижения этой цели использовались все формы идейно-политического воздействия: лекции, беседы, доклады, печать, радио, кино, учреждения культуры [15, л. 17, 19, 20, 61, 78 – 79].

В то же время в Постановлении отмечалось, что церковь, пользуясь бездействием органов, ответственных за идеологическую работу, активизировала свою деятельность, приспособившись к современным условиям. Были укреплены кадры, широко использовалась своя печать, усилилась проповедническая и благотворительная деятельность, массовая и индивидуальная обработка граждан. Особое внимание обращалось на привлечение к церкви молодежи и женщин. В том числе с целью увеличения числа прихожан торжественно обставлялись богослу-

жения, использовались хоры и оркестры, снижались цены на требы. Как следствие – увеличение числа прихожан и возникновение паломничества к святым местам.

В свете постановления ЦК КПСС от 28.11.1958 г. «О недостатках антирелигиозной пропаганды и агитации» на местах прошли заседания областных и краевых комитетов. Из всех южно-российских регионов наиболее тяжелая ситуация, связанная с распространением атеистического мировоззрения, была на Дону. Здесь в отличие от других краев и областей имелись так называемые «святые места», которые привлекали массы пилигримов со всего Юга России и из сопредельных частей Украины. Например, в г. Новочеркасск паломничества совершались к могилам «старца Ванюши Шахтинского» и «Ванюши Новочеркасского» [16]. Хотя эти лица не были на тот период официально канонизированы Русской православной церковью. Кроме того, значительное количество православных верующих посещало «исцеляющие» источники в слободе Ефремово-Степановка Криворожского района и селе Титовке Мальчевского района. В Раздорском районе «колодец Гулина», а в Неклиновском «Святая криница» района являлись местами, где доверчивых последователей православия обманывали местные шарлатаны. Но наиболее значимая святыня всего Юга России – «могила старца Павла» находилась в Таганроге. Его погребение располагалось на Старом кладбище. Верующие с Дона, Кубани и Донбасса приезжали сюда, чтобы набрать «целительной земли» с могилы подвижника, который также на данный период не был канонизирован [17].

10 – 16 августа 1954 г. состоялось заседание Бюро Ростовского обкома КПСС, на котором было рассмотрено вышеназванное постановление ЦК КПСС от 7 июля. Его участники признали, что изъяны в атеистической работе, указанные в этом документе, имеют место также и в Ростовской области. В частности «недостаточно читают лекций на данную тематику лекторские группы горкомов и райкомов, обкома ВЛКСМ, Областного лекционного бюро, Областного отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Оставлял желать лучшего и идейно-научный уровень лекций», особенно в Азовском райкоме партии, где «лекторские группы райкома партии устранились от проведения антирелигиозной пропаганды, почти не привлекая к чтению лекций учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства. Руководители колхозов и предприятий не проявляли ни какой заинтересованности к проведению

лекций, не проводя работы по привлечению населения на подобные чтения, кроме того, имелись случаи отказа руководителей колхозов от чтения атеистической пропаганды. В большинстве клубов и изб-читален проводились мероприятия сугубо развлекательного характера, такие как танцы и показ фильмов. Во многих колхозах (Красный партизан, им. Жукова, им. Сталина) библиотеки пребывали в бездействии, вследствие чего не имелось атеистической литературы и слабо развита художественная самодеятельность. Можно сделать вывод, что за плохую организацию идеологической работы несли ответственность не столько партийные организации, но и непосредственно руководство колхозов и совхозов, не придававших значения идеологической пропаганде и занятых больше практическими задачами».

Особенно слабо проводилась атеистическая пропаганда в печати. Так, газета «Молот» за 7 месяцев 1954 г. разместила только два материала на научно-атеистическую тему. Не уделяли данному вопросу необходимого внимания и ведомственные городские газеты, а также «Блокнот агитатора». Неудовлетворительно работали и культурно-просветительные учреждения, учебные заведения и радио. Имелись факты, когда коммунисты и советские работники потворствовали служителям церкви. В связи с этим Бюро постановило, исправить имеющиеся недостатки, а также улучшить идеологическую работу среди населения. За агитационную пропаганду на местах отвечали горкомы, райкомы, и первичные парторганизации. Также для решения поставленной задачи требовалась подготовка пропагандистских кадров в области научно-атеистических знаний. В связи с этим Бюро постановило: отделу пропаганды и агитации обкома ввести цикл лекций по этим вопросам в вечерних университетах марксизма-ленинизма и на курсах и семинарах пропагандистов. Улучшение постановки лекционной пропаганды естественнонаучных знаний среди трудящихся, подготовка квалифицированных лекторов атеистов была поручена областному управлению культуры и областному отделению Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Ростиздат в первой половине 1955 г. издал сборник статей и материалов в помощь лекторам. Отделы культуры должны были более активно использовать культурно-просветительные учреждения (ДК, клубы, избы-читальни и библиотеки). В области имелся фонд естественнонаучных и художественных фильмов антирелигиозного содержания, показ которых

следовало обеспечить во всех кинотеатрах и кинопередвижках. В репертуары театров, эстрадных групп, артистов областной филармонии были включены отрывки из художественных произведений, фельетонов, юмористических рассказов, имеющих атеистическое воспитательное значение. Редакции областных изданий «Молот», «Комсомолец», «Блокнот агитатора», а также городских и районных газет освещали вопросы научной и антирелигиозной пропаганды. Была развернута работа и в образовательных учреждениях. В вузах, техникумах, школах усиливалась воспитательная работа среди учащихся в духе воинствующего материализма. Меры по выполнению постановления Бюро обсуждались на августовских совещаниях учителей, и на кафедрах и предметных комиссиях вузов. В высших учебных заведениях Нижнего Дона пропаганда велась путем чтения лекций на атеистическую тематику. В школах такие предметы, как история, литература, физика, химия, насыщались атеистическим содержанием.

В то же время многие партийные профсоюзные и комсомольские организации, призванные вести атеистическую пропаганду среди населения, не принимали мер по ее улучшению, хотя в их распоряжении имелись эффективные средства пропаганды, такие как кино, печать, научно-популярные фильмы на атеистическую тему. Но данные идеологические ресурсы не использовались, атеистических брошюр и книг издавалось мало. Отмечено, что Министерство культуры и Общество по распространению политических и научных знаний также не уделяют данному вопросу достаточно внимания. Лекции и доклады на эту тему читались редко. Особенно плохо велась пропаганда среди сельского населения. Причиной этому зачастую служило мнение, что с ликвидацией классовой базы церкви и пресечением ее контрреволюционной деятельности отпала необходимость в активной атеистической пропаганде [15, л. 17 – 19, 21], вследствие чего антирелигиозная работа в хрущевский период не являлась продуктивной.

На основании исследованной литературы и архивных источников можно сделать следующие выводы.

Агитационная антирелигиозная деятельность в периоды коллективизации, индустриализации, послевоенного этапа и во время правления Хрущева на Юге России не достигла своей главной цели установления атеистического мировоззрения, поскольку на данных исторических этапах советские органы власти не имели грамотных и опытных агитаторов.

Репрессивная политика Сталина в отношении церковных общин также не привела к потере населением Юга России своих религиозных взглядов. Более того, она была прерванной началом Великой Отечественной войны, во время которой антирелигиозные репрессивные кампании были фактически прекращены. Вместе с этим Сталин не стремился во время войны открыть значительное количество религиозных христианских общин на Юге России. Советские органы власти лишь не ликвидировали приходские структуры, возрожденные оккупантами.

В послевоенный период на территории Юга России препятствовалось возрождению лишь католических общин. Однако регистрировались приходские центры других христианских конфессий, православных и баптистов.

Литература

1. Карманова Г.Н. Государственная политика в отношении христианских конфессий в СССР в 1929 – первой половине 1931 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
2. Ибатуллина Н.И. Государственная политика в отношении Русской православной церкви (1917 – 1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.
3. Сахарова Л.Г. Государственная политика по отношению к русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: по материалам Горьковской и Кировской областей: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2000.
4. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 347. Л. 12 – 17.
5. Свенцицкий Д.В. Из истории отношения местных органов власти к католическим общинам Дона и Кубани в 1920 – 1940 // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 100.
6. Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941 – 1944. М., 2010. С. 255 – 256.
7. Краснодарский край в 1937 – 1941 гг.: документы и материалы / сост. А.М. Беляева, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар, 1997. С. 495 – 498.
8. «Из церковной жизни»: обращение бургомистра Краснодара С.Н. Ляшевского // Кубань. 1942. № 24. С. 1.
9. Шадрин А. Католичество на территории Приазовья и Нижнего Дона // Просвещение. Миссия. Образование в истории Донской епархии: сб. материалов церковно-исторической конф. Ростовского-на-Дону центра дистанционного обучения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ЦДО ПСТГУ). Ростов н/Д, 2006. С. 140 – 200.
10. ТФ ГАРО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
11. Отец Григорий Церох // Католическая энциклопедия. Т. III (V). М., 2005. С. 100 – 101.

12. Отец Григорий Церох // Католическая Энциклопедия. Т. II (V). М., 2002. С. 70 – 75, 300 – 307, 30 – 35.

13. Шклярковский А. История православной церкви в период Великой Отечественной войны. М., 2004. С. 184 – 185.

14. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 3. Д. 38.

15. ЦДНИРО. Ф. 9. ОП. 1. Д. 1822.

16. Там же. Д. 2352. Л. 21, 17.

17. Там же. Д. 1844. Л. 21.

Поступила в редакцию

6 июня 2014 г.
